

Н.. Лосский

Ценность и бытие

Бог и Царство Божие как основа ценностей

**Москва
«Книга по Требованию»**

Н11 **Н.. Лосский**
Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.. Лосский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 134 с.

ISBN 978-5-458-23270-8

Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка. Всякое малейшее изменение, вносимое в мир каким бы то ни было деятелем, имеет ценностную сторону и предпринимается не иначе как на основе каких-либо ценностных моментов и ради них. Все сущее или могущее быть и вообще как-либо принадлежать к составу мира таково, что оно не только есть, но еще и содержит в себе оправдание или осуждение своего бытия: обо всем можно сказать, что оно хорошо или дурно, что должно или не должно, следует или не следует, чтобы оно было, что оно существует по праву или против права (не в юридическом смысле этого слова). Вездесущие ценностного момента есть условие, не облегчающее, а, наоборот, чрезвычайно затрудняющее опознание его и выработку отвлеченного понятия ценности. Встречая в опыте ценностный момент в неразрывной связи с бытием, трудно отделить одну сторону от другой так, чтобы мыслить в одних понятиях чисто бытийственную сторону, очищенную в абстракции от ценностного момента, а в других понятиях один лишь чисто ценностный момент. Мало того, возможно, что задача опознания этих двух сторон мира может быть осуществлена даже и в абстракции не путем мысленного разделения их, как можно отделить, например, мысленно цвет от протяженности, а лишь при условии мышления о бытии под особым углом зрения, открывающим некоторый аспект его, понятный лишь на основе своеобразного сочетания разнородных сторон мира.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

высоко лежащее на скалѣ (удовольствіе — неудовольствіе), чѣмъ представленіе о небытіи объекта*). Желанность и относительная пріятность такимъ образомъ законосообразно связаны. Это и есть цѣнность объекта.

Очень близокъ къ Эренфельсу Крейбигъ, утверждающій, что цѣнность есть значеніе, которое имѣетъ для субъекта содержаніе ощущенія или мысли благодаря связаннымъ съ нимъ непосредственно или ассоціационно чувствамъ, дѣйствительнымъ или хотя бы существующимъ въ видѣ расположенія; чувства эти связаны съ содѣйствіемъ психической дѣятельности или угнетеніемъ ея**). Изъ этого опредѣленія вытекаетъ отрицаніе абсолютныхъ цѣнностей, признаніе относительности цѣнностей, а также утвержденіе субъективности ихъ. Впрочемъ, Крейбигъ допускаетъ терминъ «объективная цѣнность», если придать ему слѣдующее значеніе: цѣнность объекта согласно истинному сужденію идеальной личности, всѣ эмпирически возможные реакціи чувства которой совершаются при полномъ знаніи свойствъ объекта.

Интересна исторія развитія мысли Мейнонга, этого тонкаго и осторожнаго аналитика, который началъ съ построенія психологистической, субъективистической теоріи цѣнностей («Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Wert-Theorie», 1894), а черезъ двадцать пять лѣтъ, послѣ появленія въ нѣмецкой литературѣ талантливыхъ трудовъ, стоящихъ на сторонѣ анти-психологизма, объективизма и абсолютизма въ ученіи о

*) Chr. v. Ehrenfels, System der Werttheorie, 2 т.т. 1897, см. I т., стр. 65.

**) I. C. Kreibitz, Psychologische Grundlegung eines Systems der Wert-Theorie, Wien, 1902, стр. 12.

цѣнности, занявъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ («Zur Grundlegung der allgemeinen Wert-Theorie», 1923), какъ онъ самъ заявляетъ, «примирительное положеніе» между враждующими лагерями. Уже въ своемъ первомъ трудѣ Мейнонгъ показываетъ, возражая Эренфельсу, что нельзя выводить цѣнность изъ желаемости, потому что отношеніе между этими двумя моментами обратное: желаніе основано на чувствѣ цѣнности, а не наоборотъ (стр. 15). Точно такъ же нельзя цѣнность сводить на полезность, такъ какъ полезность зависитъ отъ цѣнности: полезно то, что является причиною цѣннаго факта (13). Нельзя ссылаться на трудъ, на жертвы и затраты, какъ на первичный источникъ цѣнности, потому что трудъ, жертвы и затраты направляются на то, что уже цѣнно, а не впервые создаютъ цѣнность (Zur Grundl., 25 сс.). Нельзя, наконецъ, сводить цѣнность на удовлетвореніе потребности, т. е. устраненіе неудовольствія вслѣдствіе несуществованія какого-либо предмета, потому что цѣнно многое такое, отсутствіе чего не связано съ чувствомъ неудовольствія. Если расширить понятіе потребности или, вѣрнѣе, замѣнить его понятіемъ интереса, то связь между интересомъ и цѣнностью, говоритъ Мейнонгъ, окажется всегда наличною, однако, пользы для изслѣдованія отсюда не получится, такъ какъ это два почти равнозначущія слова (Zur Gr., 19).

Отвергая перечисленные ученія, Мейнонгъ однако находитъ, что всѣ они содержатъ въ себѣ моментъ, дѣйствительно входящій въ понятіе цѣнности, именно — отношеніе къ субъекту. Всякій предметъ можетъ быть цѣннымъ, говоритъ Мейнонгъ, и притомъ, оставаясь тождественнымъ, онъ можетъ вызывать различныя переживанія цѣнности у разныхъ субъектовъ и даже у одного

и того же субъекта: отсюда слѣдуетъ, что дѣло не въ предметѣ, а въ нашемъ отношеніи къ нему *).

Какое же это наше отношеніе? — Единственное общее, что можно найти въ самыхъ различныхъ случаяхъ цѣнности, говоритъ Мейнонгъ, есть переживаніе субъектомъ чувства цѣнности или, вѣрнѣе, возможность такого переживанія: «предметъ цѣненъ, поскольку онъ имѣетъ способность служить фактическимъ основаніемъ для чувства цѣнности у лица нормальнаго и достаточно ориентированнаго» (Untersuch., 25). Чувство цѣнности, прибавляетъ онъ, есть единственное феноменальное, т. е. доступное опыту въ цѣнности (стр. 30).

Отсюда Мейнонгъ приходитъ къ выводу, что цѣнность относительна въ двухъ смыслахъ,—во-первыхъ, поскольку она есть способность и, во-вторыхъ, поскольку необходимъ субъектъ, въ которомъ осуществляется переживаніе чувства цѣнности. Попытки найти абсолютную цѣнность предмета онъ объясняетъ, какъ исканіе въ предметѣ, вызывающемъ чувство цѣнности, того свойства, которое, будучи имманентно предмету, принадлежитъ ему и тогда, когда нѣтъ субъекта. Однако, говоритъ онъ, это понятіе цѣнности не совпадаетъ съ общепринятымъ: въ обычномъ смыслѣ цѣнность приписывается предмету постольку, поскольку есть кто-нибудь, для кого цѣнность есть цѣнность (стр. 29 с.).

Опредѣленіе цѣнности, данное Мейнонгомъ и приведенное мною выше, изумляетъ своею опустошенностью; въ концѣ концовъ, оно сводится, согласно указанію самого Мейнонга, къ слѣдующему: цѣнно то, что я

*) Meinong, Psych. eth. Untersuch. стр. 14, Zur Grundleg. стр. 33.

цѣню (стр. 14 с.). Если понять эту теорію, какъ утверждение, что свойство предмета, вызывающее въ субъектѣ чувство цѣнности только тѣмъ и цѣнно, что оно вызываетъ чувство цѣнности, то учение Мейнонга окажется крайнимъ и весьма обѣдненнымъ психологизмомъ. Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что чувства цѣнности цѣнны, но еще болѣе очевидно, что эти чувства суть симптомъ еще болѣе значительной и болѣе основной цѣнности самого того содержанія бытія, которое такія чувства пробуждаетъ.

Стоитъ только въ опредѣленіи Мейнонга «предметъ цѣненъ, поскольку онъ имѣетъ способность служить фактическимъ основаніемъ для чувства цѣнности у лица нормальнаго и достаточно ориентированнаго» поставить удареніе на словѣ способность, вспомнивъ къ тому же замѣчаніе Мейнонга, что чувство цѣнности есть единственное феноменальное, т. е. доступное опыту въ цѣнности, и мы получимъ право понимать всю эту теорію, какъ агностицизмъ, подчеркивающий чувство цѣнности только потому, что болѣе глубокое содержаніе этого аспекта міра не дано въ опытѣ; гонясь за осязательнымъ фактомъ, Мейнонгъ не проникаетъ въ темную глубину объективной цѣнности. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей теоріи онъ даетъ только намекъ на основное значеніе цѣнности, говоря, что первичный источникъ чувства цѣнности есть зло или благо сущаго (55). Дальнѣйшая разработка этой мысли должна обнаружить, что чувство цѣнности есть только симптомъ цѣнности, и можетъ привести къ теоріи объективности или, по крайней мѣрѣ, къ теоріи субъектъ-объективности цѣнности. Эренфельсъ, страстно борющийся противъ перенесенія цѣнности въ объектъ, почувствовалъ эту возможность въ разсужденіяхъ Мей-

нонга и потому настаиваетъ на устраненіи словъ «способность (Fähigkeit) объекта» изъ даннаго имъ опредѣленія*).

Спустя двадцать пять лѣтъ Мейнонгъ написалъ книгу «Zur Grundlegung der allgemeinen Wert-Theorie», въ которой «личныя цѣнности (persönliche Werte), т. е. цѣнности для кого-нибудь служатъ уже только исходнымъ пунктомъ изслѣдованія. Говоря даже объ этихъ цѣностяхъ, онъ называетъ свое положеніе въ спорѣ между субъективистами и объективистами примирительнымъ и даетъ слѣдующее опредѣленіе: «личная цѣнность есть пригодность (Eignung) объекта служить благодаря своему свойству и положенію предметомъ переживаній цѣнности» (143) или, иными словами, это есть значеніе его бытія для субъекта, (Seinsbedeutung für ein Subject, стр. 145). Кромѣ того, теперь онъ признаетъ, что, наряду съ личными цѣностями, существуютъ еще цѣнности неличныя unpersönliche), напр., истина, красота, нравственное добро (145). Чтобы признать ихъ цѣностями, не требуется переживаніе чувства цѣнности. Это цѣнности абсолютныя, хотя, конечно, и здѣсь къ абсолютной цѣнности присоединяется еще и относительная: можно говорить не только о «неличной цѣнности даннаго О», но еще и о «правомѣрномъ значеніи этого О» для такого то субъекта (163). Абсолютная неличная цѣнность «по справедливости (berechtigterweise) должна бы быть цѣностью для всякаго субъекта» (165).

Очень близка къ Мейнонгу, въ этой послѣдней стадіи его развитія, теорія Гейде, послѣдователя Ремке. Согласно Гейде, «цѣнность есть особое отношеніе,

*) Ehrenfels, I т., стр. 65.

именно «приуроченность» (*Zugeordnetheit*), существующая между объектомъ цѣнности и чувствомъ цѣнности (особымъ состояніемъ субъекта цѣнности); при этомъ, такъ какъ цѣнность есть отношеніе, то члены отношенія, объектъ или субъектъ цѣнности и состояніе субъекта имѣются въ виду просто лишь какъ данное (т. е. независимо отъ того, дѣйствительны ли они)»^{*)}.

Изъ опредѣленія видно, что наличность цѣнности предполагаетъ сочетаніе субъекта и объекта, однако свойства объекта суть не цѣнность, а только основаніе цѣнности, также и чувство цѣнности, переживаемое субъектомъ, не есть цѣнность; строго и опредѣленно Гейде отстаиваетъ мысль, что цѣнность есть отношеніе объекта къ состоянію субъекта (стр. 106). Подчеркнувъ это какъ бы стояніе цѣнности «между» объектомъ и субъектомъ, Гейде показываетъ, что его теорія не есть ни субъективизмъ, ни объективизмъ, что она не впадаетъ въ релятивизмъ и психологизмъ. Хотя цѣнность, говоритъ Гейде, есть отношеніе, однимъ изъ членовъ котораго долженъ быть субъектъ, все же она не субъективна, она не есть психическое переживаніе субъекта, она есть отношеніе (стр. 50, 63, 76, 83). Мало того, связь съ субъектомъ не мѣшаетъ нѣкоторымъ цѣностямъ быть абсолютными: есть цѣнности, не зависящія отъ частныхъ особенностей субъекта (*Subjectbesonderheit*), онѣ — абсолютны.

Въ рѣзкой противоположности къ Гейде стоитъ ученіе Шелера: цѣнности, напримѣръ, «пріятный, милый, восхитительный, благородный» и т. п. суть не отношенія, а своеобразныя качества образующія особое царство предметовъ съ особыми отношеніями.

^{*)} *I. E. Heyde, Wert*, 1926, стр. 153.

ми и рангами*): ихъ нельзя получить или умозаключить изъ признаковъ и свойствъ, которые сами не принадлежатъ къ области цѣнностей (стр. 9). Носители качествъ, познаваемыхъ посредствомъ теоретическихкихъ функцій интеллекта, суть вещи (Ding), а носители цѣнностей качествъ суть блага (Güter); благо есть «подобное вещи единство цѣнностей качествъ» (dinghafte Einheit von Wertqualitäten, стр. 15). Блага и вещи суть данности, одинаково первоначальныя: нельзя утверждать, что благо есть основа вещи (какъ это дѣлають, напр., Махъ или Бергсонъ), или что вещь есть основа блага (16).

Самостоятельную содержательность цѣнностей Шелеръ выясняетъ подчеркиваніемъ того, что они могутъ быть даны въ сознаніи отдѣльно отъ своихъ носителей: какъ чувственное качество, напр. красный цвѣтъ, можетъ быть воспринято безъ вещи, которой оно принадлежитъ, такъ цѣнности, напр. «благородный, жуткій, грозный» вступаютъ иногда въ сознаніе отдѣльно отъ тѣхъ благъ, которыя служатъ носителями ихъ, и раньше даже, чѣмъ восприняты сами эти блага (12). Ребенокъ, напр., воспринимаетъ «доброту» или «злобу» въ наклоненномъ надъ его колыбелькой лицѣ, не разбирая еще самихъ лицъ.

Воспріятіе цѣнностей осуществляется не посредствомъ теоретическихкихъ, а посредствомъ эмоциональныхъ интенціональныхъ функцій, посредствомъ дѣятельностей чувства (Fühlen). Анализируя эти переживанія, Шелеръ различаетъ въ нихъ, какъ и въ теоретическихкихъ дѣятельностяхъ, интенціональную функцію и

*) M. Scheler, Der Formalismus in der Ethik und die materiale Werthethik, стр. 248, стр. 10.

содержаніе или «явленіе» (Erscheinung въ смыслѣ подобномъ тому, какой придалъ этому термину Штумпфъ въ своемъ трактатѣ «Erscheinung und Funktionen»): въ функціи чувства (Fühlen) мнѣ «является» цѣнность подобно тому, какъ въ функціи представленія мнѣ является предметъ, вещь. Здѣсь нужно различать «чувствованіе чего-либо» (Fühlen von Etwas) и само состояніе, служащее содержаніемъ чувствованія (Gefühlsgegenstand); напр., чувствованіе боли и самую боль, которую я «переношу», или «терплю», или «страдаю», или «смакую» (263). Это свое ученіе о томъ, что цѣнности постигаются посредствомъ чувства, какъ особой направленной на нихъ функціи, Шелеръ называетъ «эмоціональнымъ интуитивизмомъ».

Изъ всего сказаннаго ясно, что Шелеръ рѣшительный защитникъ объективности цѣнностей. Необходимо, правда, особый видъ сознанія, посредствомъ котораго цѣнности могутъ быть найдены (272). Но существованіе многихъ цѣнностей вовсе не связано съ психофизическою организаціею чловѣка и даже вообще не предполагаетъ я или субъекта: цѣнности существуютъ во всей природѣ (273 с.). Утверждая объективность цѣнностей, Шелеръ отстаиваетъ также существованіе абсолютныхъ цѣнностей.

Н. Гартманъ въ весьма существенныхъ пунктахъ согласенъ съ Шелеромъ. Цѣнности, говоритъ онъ, суть не законы, а содержательно-матеріальныя, объективныя образованія*). Они идеальны (принадлежатъ къ *an sich seiende ideale Späre*, стр. 96), ихъ бытіе не имѣетъ «существованія» (Existenz), но мате-

*) N. Hartmann, Ethik, 1926, стр. 106.

рія ихъ доступна реалізації (107, 136). Цѣнности — сущности (Wesenheiten), они представляють собою специфическое качество вещей, отношеній, лицъ. Они такія сущности, благодаря которымъ все, что имъ причастно, цѣнно. Доступны они не мысли, а видѣнію, «Schau», емоціальному, інтуитивному (108 с.). Одна-ко знаніе о нихъ, какъ и всякое другое знаніе, имѣетъ теоретическій характеръ (135). Отстаивая об'ектив-ность цѣнностей, Н. Гартманнъ, какъ и Шелеръ, утвер-ждаетъ также существованіе абсолютныхъ цѣнностей.

Укажу еще на опредѣленіе цѣнности, данное Г. Д. Гурвичемъ въ его «Fichtes System der konkreten Ethik» (1924). Оно существенно отличается отъ всѣхъ предыдущихъ ученій тѣмъ, что ставитъ цѣнность въ связь съ высшимъ предѣломъ бытія. «Цѣнность», го-воритъ Гурвичъ, «есть апріорный моментъ количест-венно-качественной положительной безконечности, ко-торая черезъ среду опредѣляющаго и антиципирующа-го ее идеала находится въ вѣчномъ переходѣ въ каче-ственно положительную безконечность» (278). Этотъ апріорный идеальный моментъ можетъ проникать со-бою также и эмпирически реальное (274).

Приведенныхъ ученій достаточно, чтобы смутить лицо, неопытное въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Ес-ли люди, высоко талантливые, вдумчивые, отдавшіе всю свою жизнь рѣшенію философскихъ проблемъ, прихо-дятъ къ такому разброду мнѣній, то, повидимому, исти-на скрыта въ недосыгаемой человѣческому уму глуби-нѣ. Одни выводятъ цѣностный аспектъ міра изъ инди-видуально - психическихъ переживаній, дру-гіе изъ непсихическихъ факторовъ; одни счи-тають цѣнности субъективными, другіе — об'ек-тивными; одни утверждаютъ относитель-

н о с т ь всѣхъ цѣнностей, другіе настаиваютъ на существованіи также и а б с о л ю т н ы хъ цѣнностей; одни говорятъ, что цѣнность есть о т н о ш е н і е, другіе, — что цѣнность есть к а ч е с т в о; одни считаютъ цѣнности и д е а л ь н ы м и, другіе — р е а л ь н ы м и, третьи — не идеальными, но и не реальными (напр., Гейде). Не будемъ однако отчаиваться: какъ ни различны эти теоріи, каждая изъ нихъ учитываетъ какую-либо сторону цѣнности, и задача нашего изслѣдованія будетъ состоять въ томъ, чтобы найти мѣсто cadaго элемента цѣнности въ полной теоріи, которая не только отвѣтила бы на вопросъ, что такое цѣнность, но еще и объяснила бы, какъ возможно такое множество столь разнородныхъ теорій. Спиноза правильно указываетъ на то, что *veritas norma sui et falsi est*.

Начнемъ съ психологизма въ ученіи о цѣнности.